

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ КОМПОЗИТОВ

Показано, что в английской композитной предметной номинации категория посессивности представлена более широко, чем в русской; в обоих языках для посессивности как основы номинации характерно сочетание с другими мотивационными признаками (синкретичность).

The paper demonstrates that in English compound nomination of objects the category of possession is represented more extensively than in Russian; both languages are characterised by combining possession as the basis of nomination with other motivational factors (syncretism).

Принадлежность, или посессивность, является одной из универсальных категорий языка, занимающей ключевую роль в его грамматической системе. Исследованию данной проблемы посвящен широкий круг работ, охватывающий вопросы самого широкого спектра – от структуры (см. Бондарко 1996; Копров 2002; Чинчлей 1990; 1996) и языковых средств выражения (см. Кибрик 2003, Селиверстова 2004 и др.) до особенностей функционирования в речи и онтогенетических характеристик (см. Цейтлин 2007). В последнее время внимание ученых все чаще обращается в сторону национально-специфических черт категории принадлежности. В частности, следует отметить работы, посвященные лингвокультурологическим характеристикам посессивности (см. Милованова 2007), сравнительно-типологическому описанию посессивных конструкций в русле синтаксической семантики (см. Селиверстова 2004), средствам выражения посессивности в различных языках (см. Копров 2002), и другие публикации.

Значимость данной категории для предметной номинации также отмечается многими исследова-

телями. В работах по ономазиологической теории М. Докулила (см. Dokulil 1962) и его последователь (см. Štekauer 2006, 35–36; Szymanek 1988, 93) посессивность указана в числе основных семантических категорий наряду с категориями агенса, пациенса, результата и т. п. В русском и английском языках современная продуктивность посессивных моделей номинации имеет глубокие исторические корни: характеристика по принадлежности в качестве основы номинации была актуальной как для древнеанглийского словосложения (см. Труевцева 1994, 17), так и для системы номинации в русском языке XI–XVII вв. (см. Вахитов 1994, 4; Трофимович 2003). Сравнительно-типологических исследований, посвященных месту и роли посессивности в предметной номинации русского и английского языков, до настоящего времени не проводилось, хотя отдельные вопросы рассматривались достаточно подробно. Так, посессивные антропосемические композиты типа бахуврихи (тип метонимических сложных слов со значением принадлежности или обладания – см. Ахманова 2007, 63) в современном английском язы-

ке рассматриваются в диссертации Е.Г. Васильевой (см. Васильева 2006). К сожалению, аналогичных исследований на материале русского языка, насколько нам известно, не проводилось.

Цель данной работы – определить место посессивного ономаσιологического признака в системе русской и английской композитной предметной номинации. Материалом сравнительно-типологического исследования послужили композиты с простым или составным посессивным ономаσιологическим признаком, извлеченные из лексикографических источников русского и английского языков путем сплошной выборки (см. CED 2006; Новый словарь русского языка 2001), и отдельные примеры из других источников (см. НБАРС 2001; SOED 1991; АБВУ Lingvo 12 2006). В качестве основного метода использовался ономаσιологический анализ с опорой на номинативное суждение.

В ономаσιологической структуре производного слова наличие посессивности обнаруживается на глубинном уровне ономаσιологического анализа, когда мы переходим от выявления составляющих ономаσιологической структуры производного слова (ономаσιологического базиса, ономаσιологического признака (далее по тексту – ОП) и его компонентов) к анализу смысловых отношений между ними. При поверхностном ономаσιологическом анализе мы устанавливаем прежде всего соотношение компонентов с основными ономаσιологическими категориями (предметность, акциональность, признаковость, обстоятельность). Например, на первичном уровне слова *медвежонок* (в значении 'детеныш медведя') и *медвежатник* можно охарактеризовать как содержащие ОП, соотносимый с ономаσιологической категорией предметности и выраженный в виде суффикса ономаσιологического базиса, который также служит категориальным маркером предметности. А при рассмотрении смысловых отношений, положенных в основу номинации, можно отметить, что первое наименование имеет посессивную природу («детеныш (чей?) медведя»), а последнее содержит объектный ОП («тот, кто охотится (на кого?) на медведя»).

Количество композитов, в ономаσιологической структуре которых фиксируется посессивный ОП, варьируется в зависимости от определения термина «посессивность». Узкое понимание посессивности предполагает ситуацию «собственно владения», принадлежности неодушевленного предмета одушевленному субъекту. В более широком понимании, на которое мы ориентировались в данной работе, посессивность характеризуется разнообразием семантических вариантов, включая отношения неотторжимой принадлежности, а в качестве объекта владения может выступать «не только конкретный предмет, но и действие, качество, представленное языком как своего рода субстанция» (Цейтлин 2007, 203).

Посессивность может быть как организующим свойством ономаσιологической структуры композита, так и характеристикой одного из элементов составного ОП. Для обоих типов посессивного

ОП как компонента ономаσιологической структуры композитов характерна синкретичность: в большинстве случаев посессивный ОП может вербализоваться в составе номинативного суждения в виде существительного и поэтому характеризуется одновременно объектной отнесенностью (*лисохвост* – «то, что имеет колосья, похожие на хвост лисы») (составной посессивно-объектный ОП); *horsehair* 'конский волос' – «hair taken chiefly from the tail or mane of a horse» (простой посессивный ОП + ономаσιологический базис)). Посессивный ОП может также присутствовать в ономаσιологической структуре производных слов, мотивированных притяжательными местоимениями (*своенравие, своеволие*), однако среди русских предметных композитов такие примеры являются редкостью, а в исследованном лексикографическом материале английского языка отсутствуют вообще. Наиболее близко к ним по семантике стоят отдельные английские композиты, содержащие основы личных местоимений в объектном падеже или основу *self* (*me-time* 'время отдыха, время побаловать себя', *self-cheque* 'чек, предъявленный в «свой» банк, т. е. в банк, на который он выписан'), однако ономаσιологический анализ показывает, что в основу номинации в данном случае положен чаще всего субъектный либо объектный ОП. Исключением является композит *me-time*, в котором можно выявить посессивный ОП, выражающий посессивную ситуацию исключительного обладания ('время, принадлежащее только мне'). Простой посессивный ОП в композитах чаще всего реализуется как первый компонент составного ОП (*волчьягодник, Adam's-needle* 'юкка (*Yucca filamentosa*)', *foxtail* 'лисохвост'), реже – в сочетании с ОБ, эксплицированным в виде основы или слова (*Judas tree* 'иудино дерево (*Cercis siliquastrum*)', *Saint-John's-wort* 'зверобой' и т. п.). Вторая модель ономаσιологической структуры для русских композитов нетипична, хотя нельзя сказать, что она нетипична для русской номинации в целом. Неоднословные наименования с простым посессивным ОП широко распространены в русском языке: *волчья змея, кошачья мята, адамово яблоко* и т. п. Т.Г. Трофимович отмечает, что в русском языке «в процессе номинативной деривации признак по принадлежности чаще реализуется аналитически, в неоднословной единице, и значительно реже в однословной» (Трофимович 2003, 114). Это подтверждают и результаты нашего анализа: в русском языке примеры простого посессивного ОП представлены менее широко, чем в английском. Даже при совпадении семантических маркеров обоих компонентов наименования в русском и английском языках, что само по себе встречается довольно часто, во многих случаях английским композитам с посессивным ОП в русском языке будут соответствовать бивербты: *cat's-foot, pussytoe* – *кошачья лапка* (*Antennaria*), *harelip* – «заячья губа» (заболевание).

Для простого посессивного ОП в обоих языках характерны следующие семантические варианты посессивных ситуаций: 1) неотторжимая принадлежность и ее вариант – партитивность (*мышевостник*, *змееголовник*, *mouse-tail*, *foxtail* 'лисовхвост', *wolf's-claws* 'плаун булавовидный', *dragon-head* 'змееголовник', *beavertail* 'радиолокатор', букв. «бобровый хвост»); 2) тождественность объекта (*witch-mark* – 'родимое пятно, изобличающее ведьму', букв. «ведьмин знак»); 3) постоянное обладание (*своеземец*, *foxglove* 'наперстянка', *bachelor's-button* 'растение семейства сложноцветных с цветками, напоминающими пуговики'); 4) агентивность (*своедельщина*, *Job's-tears* 'кукушкины слезки') и др. Семантический вариант посессивной ситуации, подразумевающий тождественность объекта, положен в основу именования в русских композитах *единомышленник*, *единоплеменник*, *одноклассник*, *однокурсник*, *однoгруппница* и т. п. В данном случае для ОП также характерна синкретичность (наложение качественно-атрибутивного и посессивного ОП). Допущение такого семантического варианта посессивности как принадлежности объекта группе лиц, учреждению либо месту позволяет усмотреть наличие некоторых посессивных значений в ономасиологической структуре слов *градоначальник*, *домоправитель*, *домочадец*, *countryman* 'земляк; сельский житель', *class-mate* 'одноклассник' и т. п.

Составной посессивный ОП является обязательной (а в английском языке – единственной эксплицированной) частью ономасиологической структуры композитов-бахуврихи. К ним относятся метонимические сложные слова со значением принадлежности или обладания – экзоцентрические композиты, содержащие составной ОП (вербализующий доминантную черту называемого объекта) и лишённые эксплицированного ономасиологического базиса: *tightwad* 'скряга', *loud-mouth* 'болтун', *peg-leg* 'человек с деревянной ногой' (разг.), *hard-shell* 'упрямый или бесстрастный человек'; *толстосум*, *толстопуз*, *мокрохвост* и т. п. Основой именования становится посессивная ситуация партитивности (например, в случае,

когда второй семантический маркер вербализуется в виде основы соматизма: *greenhorn* 'новичок, неопытный человек', *softhead* 'простофиля') или постоянного владения, обладания (*big gun* 'важная шишка', *white hat* 'положительный герой; «хороший парень»'). Антропосемические бахуврихи чаще всего характеризуются выраженной иронической, презрительной или насмешливой коннотацией, а метонимическое переосмысление может сочетаться с метафоризацией. В отличие от них бахуврихи – наименования животных, растений или предметов неживой природы – являются нейтральными, лишены эмоциональной окраски (*bigeye* 'бычеглазый окунь', *hard-shell* 'краб с твердым панцирем; моллюск с твердой скорлупой'). Посессивные антропосемические композиты в большом количестве присутствуют и в русском языке, однако они далеко не всегда соответствуют классическому определению бахуврихи, подразумевающему экзоцентричность. В большинстве проанализированных нами русских посессивных композитов поверхностная ономасиологическая структура содержит ономасиологический базис, эксплицированный в виде суффикса: *коротконожка*, *синеглазка*, *белопогонник* и т. п. Посессивностью со значением неотторжимой принадлежности характеризуется составной ОП в словах *двоемужница*, *двоеженец* (родственные отношения); *восьмиэтажка*, *four-eyes* 'очкарик', *five-finger* 'лапчатка' (партитивность) и т. п.

При более подробном рассмотрении ономасиологической структуры английских бахуврихи и русских посессивных композитов становится очевидным, что данный тип весьма неоднороден, чему способствуют ономасиологические характеристики первых компонентов сложных слов. Простые ОП, входящие в состав составного посессивного ОП, могут выражать объектные, темпоральные, нумеральные, компаративные, посессивные и другие отношения, которые часто осложняются метафоризацией и дополнительными (не связанными с отношениями посессивности) метонимическими сдвигами. Некоторые наиболее типичные сочетания представлены в таблице.

Типичные сочетания ономасиологических признаков

Композит	Номинативное суждение	Составной посессивный ОП	
		Простой ОП1	Простой ОП2
<i>белоус</i> 'растение'	«то, что имеет белые усы»	Качественно-атрибутивный	Объектный
<i>бледнолицый</i> 'человек европеоидно-белой расы'	«тот, кто имеет бледное лицо»	Качественно-атрибутивный	Объектный
<i>longhair</i> 'интеллигент', также <i>пренебр.</i> 'волосатик'	«one who has long hair»	Качественно-атрибутивный	Объектный
<i>многосемянка</i> 'растение'	«то, у чего много семян»	Нумеральный	Объектный
<i>клещеножка</i> 'насекомое'	«то, что имеет ножки, похожие на клещи»	Компаративный	Объектный
<i>rattle-head</i> 'пустоголовый человек, олух', букв. «погремушка+голова»	«one who has a head like a rattle»	Компаративный	Объектный
<i>farmhand</i> 'помощник на ферме', букв. «ферма+рука»	«one who works/ helps at a farm»	Локативный	Объектный
<i>southern</i> 'левша', букв. «юг + лапа»	«one who has their working hand (=paw) on the south side of their body»	Локативный	Объектный
<i>adder's-tongue</i> бот. 'ужовник', букв. «язык гадюки/ужа»	«a plant that has a stem resembling an adder's tongue»	Посессивный	Объектный
<i>winterberry</i> бот. 'падуб, илекс', букв. «зимняя ягода»	«an evergreen plant that has berries even in winter»	Темпоральный	Объектный
<i>quickthorn</i> = 'hawthorn', бот. 'боярышник', букв. «быстрый + шип»	«a plant that has thorns and grows quickly»	Темпоральный	Объектный

Посессивность присутствует в ономасиологической структуре наименований лиц женского пола, мотивированных соответствующими наименованиями лиц мужского пола и объединенных семьей свойственного родства 'супруга, жена': *градоначальница* 'жена градоначальника', *домоправительница* 'супруга домоправителя', *генерал-майорша* (разг.) 'супруга генерал-майора' и т. п. Внешне данные наименования не отличаются от случаев так называемой «равнопроизводности основ» (*красавец – красавица*), которая с точки зрения ономасиологического анализа может рассматриваться как парадигматическая редистрибуция основ или мутация основ (см. Языковая номинация 1977, 63), однако отличаются от них семантически. Поверхностная ономасиологическая структура данных слов содержит посессивный ОП, эксплицированный в виде суффикса. Закономерным в данной ситуации является вопрос о правомерности включения данных слов в исследование, посвященное композитным наименованиям: являясь суффиксальными производными, с точки зрения ономасиологического анализа они представляют собой не вербализацию сложного понятия путем объединения двух семантически маркированных ОП в рамках сложного понятия, а последующую его модификацию. Поэтому говорить о значимости посессивного ОП, эксплицированного в виде суффикса, для композитной деривации можно лишь в том случае, если исследователь использует термин «композит» в качестве гиперонимного термина, объединяющего все производные слова, имеющие в составе две и более полнозначных основ.

Исключительная неоднородность композитов, которых принято называть посессивными, определяется, на наш взгляд, тем, что отношения посессивности в данном случае существуют за рамками словесной единицы. В отличие от композитов, содержащих простой посессивный ОП как часть составного ОП, английские бахуврихи и русские посессивные композиты не содержат семантического маркера посессора, они называют самого посессора. Посессивность выступает как характеристика процесса метонимической номинации, но для сравнительно-типологического описания русских и английских композитов с ономасиологических позиций, на наш взгляд, более продуктивным является сравнение результатов этого процесса – моделей, в которых она реализуется. Если в основу именования положен расчлененный ономасиологический признак, то особенности ономасиологической структуры композита определяются сочетанием и смысловым взаимодействием двух и более простых ОП в рамках составного ОП, и именно простой ОП должен выступать главным критерием типологизации. Нам представляется, что, несмотря на значимость категории посессивности для предметной номинации, посессивный ОП следует

рассматривать на другом уровне, нежели ономасиологические признаки, соотносимые с базовыми ономасиологическими категориями – предметностью, признаковостью и процессуальностью. Учитывая синкретичность посессивного признака и особенности вербализации сложного понятия, выражающего посессивные отношения, в рамках номинативного суждения, следует признать, что посессивный ОП представляет собой частный случай ОП, соотносимого с ономасиологической категорией предметности, реже – признаковости.

Для английской композитной предметной номинации посессивность как основа именования характерна в большей степени, чем для русской. Английские предметные композиты отличаются также большим разнообразием семантических вариантов посессивности, возможностей сочетаемости простых ОП в рамках составного ОП. Количество композитов с простым посессивным ОП незначительно, особенно в русском языке при узком понимании посессивности. При более широком понимании посессивности для обоих языков характерна синкретичность простых ОП, которые могут сочетать в себе посессивные и локативные, посессивные и качественно-атрибутивные, посессивные и объектные и другие значения. Все это следует учитывать в процессе ономасиологического анализа. Знание распространенных ономасиологических структур, в которых последовательно реализуются посессивные значения, может быть также использовано в практике преподавания русского языка как иностранного и английского языка для семантизации тематической лексики с опорой на ономасиологический анализ.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007. С. 63.
- Бондарко А. В. Посессивность (вступительные замечания) // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко и др. СПб., 1996. С. 89–100.
- Васильева О. Г. Концептуальна семантика субстантивних композитів-бахуврихі (на матеріалі антропосемічної лексики сучасної англійської мови): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ., 2006.
- Вахитов С. В. Производные наименования со значением лица в русском языке XI–XVII вв. (мотивационный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1994.
- Кибрик А. Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 307–319.
- Копров В. Ю. Национально-культурная специфика языков в синтаксическом концепте «посессивность» // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2002. Вып. 2. С. 145–152.
- Милованова М. В. Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.
- НБАРС 2001: Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю. Д. Апресян и др.; Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М., 2001.
- Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. / Т. Ф. Ефремова М., 2001.

Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М., 2004.

Трофимович Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности: Моногр. Мн., 2003.

Труевцева О.Н. Английский язык: особенности номинации. СПб., 1994.

Цейтлин С.Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи. СПб., 2007. С. 201–219.

Чинчлей К.Г. Типология категории посессивности. Кишинев, 1990.

Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 100–137.

Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

ABBYY Lingvo 12 Multilingual [Электронный ресурс]: Электронный словарь. Выпуск 12.0.0.356 Артикул 5061. [1 DVD] – ABBYY@Lingvo@12 © 2006 ABBYY Software.

CED 2006: Collins English Dictionary. 8th Edition. Harper-Collins Publishers, 2006.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině. T. 1. Teorie odvozování slov / Vědecky red. akademik B. Mavranek. Praha, 1962.

SOED 1991: The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / Revised and edited by C.T. Onions. Oxford, 1991. Vol. 1, 2.

Szymanek B. Categories and categorization in morphology. Lublin, 1988.

Štekauer P. Onomasiological theory of Word Formation // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2006. Vol. 9. P. 34–37.

Поступила в редакцию 12.01.09.

Милана Михайловна Михалевич – преподаватель кафедры современных европейских языков БГПУ им. М. Танка.